

УДК 94(575.2)

НАЧАЛО ТРАНСФОРМАЦИИ МЕНТАЛИТЕТА КЫРГЫЗОВ ПОСЛЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ИХ К РОССИИ

В.П. Яншин

Анализируется начало модернизации кыргызского общества после присоединения к России во второй половине XIX века.

Ключевые слова: присоединение; менталитет; кочевое общество; родоплеменные отношения; барымта.

BEGINNING OF THE TRANSFORMATION MENTALITY KYRGYZ AFTER JOINING THEM TO RUSSIA

V.P. Yanshin

It analyzes the beginning of the modernization of the Kyrgyz society after joining Russia in the second half of the XIX century.

Key words: accession; mentality; nomadic societies; tribal relations; barymta.

Процесс модернизации кыргызского народа, то есть переход от кочевого скотоводства к оседло-земледельческому и промышленно-городскому укладам, начался с момента присоединения к России. При этом надо учитывать тот факт, что специфические условия кочевничества способствовали формированию на протяжении многих веков и особой духовной культуры с характерными ментальными особенностями.

Известно, что кочевые народы сравнительно быстро развиваются в социальном плане в условиях общинно-родового строя, достигая стадии так называемой “военной демократии”, на которой их социально-экономическое развитие консервируется, так как при господстве кочевого скотоводства отсутствуют необходимые предпосылки для перехода к образованию государства. Сама система кочевого скотоводства не создает условий к объединению племени и родов в крепкое монолитное образование, так как отсутствует экономическая заинтересованность. Можно сказать, что кочевое общество является законченным натуральным хозяйством, в котором нет никаких причин для разделения труда и, следовательно, для появления специализации в виде ремесла и торговли, что в свою очередь ведет к усложнению социальной организации и появлению государства. Кочевое скотоводство относится к экстенсивным формам

хозяйствования, которое может развиваться только вширь, завися от природного ландшафта, но так как природная территория для кочевания ограничена, то соответственно ограничено и количество людей, которые могут проживать в степном или полупустынном ландшафте. Отсюда вытекала демографическая проблема, которая решалась двояким путем: 1) завоеванием оседло-земледельческих территорий; 2) постоянными и регулярными столкновениями не только между разными кочевыми народами, но и внутри каждого этноса.

Таким образом, социально-экономическая модель кочевничества не давала ни экономических, ни политических предпосылок для долговременного объединения племен и родов. Единственной причиной появления кочевых объединений являлась или внешняя угроза, или стремление завоевать оседло-земледельческие районы. Во втором случае происходило инкорпорирование кочевой элиты в местную, но складывания единой экономической системы не происходило, а через некоторое время завоеватели-кочевники теряли свои господствующие позиции и развитие завоеванного государства продолжало идти по своему пути.

Другой характерной чертой кочевых объединений было то, что, завоевав обширную территорию и решив на время экономические и демографические проблемы, они быстро распадались,

так как отсутствовала необходимость сохранения единства. Поэтому представляется серьезной ошибкой рассматривать в исторической ретроспективе кочевые объединения, такие как тюркские каганаты, империя Чингисхана и т. п., в качестве государств, так как иначе каждый род и племя будут являться подобными “государствами”.

История взаимоотношений восточных славян с кочевниками уходит своими корнями в глубокое прошлое. До образования Киевской Руси это были скифы, сарматы, аланы, гунны, болгары, тюрко-хазары, мадьяры. После создания государственности – печенеги, торки, половцы, монголо-татары. В зависимости от конкретной внешнеполитической ситуации характер отношений славян с кочевниками мог варьироваться от союза до набегов и грабежей. В целом же отношения носили взаимовыгодный характер, так как природный ландшафт большей части Восточно-Европейской равнины был непригоден для кочевого скотоводства, что, естественно, резко снижало агрессивные намерения кочевников.

До появления государства у восточных славян контакты носили характер, как правило, межкультурного взаимовлияния, после же образования Киевской Руси они стали все больше приобретать направленность межэтнического симбиоза. Так, часть печенегов, торков, половцев, татар приняла участие в этногенезе русских и украинцев. После образования Российского централизованного государства во второй половине XV – начале XVI вв. начался этап вхождения кочевых народов в состав России. При этом надо отметить, что, накопив огромный опыт отношений с кочевниками, русские власти подошли к этому вопросу взвешенно, не стараясь искусственно ускорить процесс адаптации к новым политическим формам взаимоотношений. Укреплению российской власти у таких народов, как ногаи, башкиры, калмыки, также способствовали их постоянные распри между собой, при этом Россия выступала в роли своеобразного арбитра. Постепенно привыкая к новым порядкам, татары, ногаи, башкиры и калмыки стали составлять часть иррегулярной конницы наряду с казаками, участвуя в войнах России с Речью Посполитой, Швецией и Турцией, что способствовало более тесному объединению в рамках одного государства.

Такая плодотворная политическая линия в отношении кочевников была радикально пересмотрена в годы правления Петра I. В своем стремлении безудержного копирования западноевропейских порядков и подходов, которые зачастую во многом были малоэффективны в приложении к российской действительности, царь-реформатор неоправданно ломал довольно стройную структуру российского общества. Такой волонтаризм, безусловно, ска-

зался и на отношениях с кочевыми народами, как с теми, кто уже давно находился в российском подданстве, так и с теми, которые еще не вошли в состав России.

Не случайно, что именно в XVIII в. произошло несколько мощных антироссийских восстаний башкир, которые вошли в состав России в 50-х гг. XVI в. Парадоксальная ситуация сложилась с казаками – если в XVII в. их набеги на российские границы носили спорадический характер, то с начала XVIII в., когда российские власти стали настаивать на принятии казаками российского подданства исходя из западноевропейских шаблонов, произошла резкая активизация нападений, которые продолжались до 40-х гг. XIX в.

Стремление навязать кочевникам совершенно чуждые им порядки, при этом как можно быстрее, давало совершенно противоположные результаты тому, на что рассчитывали российские власти. Основной проблемой во взаимоотношениях стал вопрос о подданстве. С точки зрения российских властей это означало, что кочевники должны согласиться на прямое управление русскими чиновниками, соблюдать российские законы, прекратить барымту, уничтожить институт рабства и по возможности стараться переходить от кочевого скотоводства к оседлости и земледелию. Напротив, кочевые народы за много веков контактов с оседло-земледельческими государствами выработали свое понимание подданства: предоставление своему сюзеру воинских контингентов и иногда – небольшую дань в виде скота, при этом никто даже не допускал мысли о вмешательстве во внутреннюю жизнь кочевников, заставляя их принимать совершенно чуждые им порядки и законы. Так, туркменское племя йомудов рассматривало подданство как службу за определенную плату, без всякого вмешательства в их внутренние дела [1, с. 855]. При этом надо напомнить, что западноевропейские народы практически не сталкивались с кочевниками в новое время и абсолютно не представляли их специфическое политическое и социально-экономическое устройство. Отсюда и крайняя неэффективность западноевропейских подходов в отношении кочевых народов Центральной Азии на примере российской политики в XVIII в. Из-за такого резкого расхождения в понимании подданства стали постоянно возникать конфликтные ситуации. Стоит отметить, что родоправители кочевников значительно быстрее разобрались в сложившейся ситуации, усвоив следующее: за слова о признании подданства или покровительства можно просить различные подарки и в случае необходимости обращаться за помощью против соседей. По мере активизации российских или китайских властей, стремящихся заполучить таких “подданных” или принять их под “покровительство”,

родоправители стали требовать себе титулов и жалование, обещая помимо всего прочего еще и “охранять” купеческие караваны, при этом, естественно, настаивая, чтобы караванные маршруты проходили по их земле, что давало им еще один источник обогащения. Так, в 1825 г. на основании показаний купцов полковник Кемпен писал о бугу: “Сии киргизы очень вредны, нередко останавливают караваны, грабят и берут пошлину” [2, л. 4], а в 1827 г. купец С. Попов в донесении тому же Кемпену указывал: “Во время торгова у каменных киргизов и при проходе через оных в Кашгарии платятся там каждому на пути бию сколько оный рассудит взять” [3, с. 129]. А. Тальзин указывал, что “в кокандское время манапы часто брали у торговцев в долг, который уплачивали с большим приростом. Скот для этого барантовали (угоняли у других – В.Я.). Иногда манапы платили долги скотом, взятым у своей букары, но этого способа по возможности избегали и за неимением похищенного скота предпочитали прогонять кредитора, предварительно ограбив его” [4, с. 31]. В 1858 г. Ч.Ч. Валиханов обрисовал “правила торговли” у киргизов: 1) караван должен заплатить зякет; 2) дать выкуп за свободный проезд; 3) подарки родоначальнику; 4) не должен обходить аулы знатных вождей (т. е. еще поборы – В.Я.) [3, с. 106].

Основоположник российской китаистики И. Бичурин указывал, что “подданство считают кочевые торгом совестью, в котором предполагают выиграть по крайней мере 400 на 100, посему, когда находят благоприятный к тому случай, то еще соперничают в готовности изъявить подданческое усердие, но если бывают обмануты в надежде (выиграть 400 на 100), то ухищряются мстить набегами, хищничеством, убийством” [5, с. 240].

Вообще надо отметить, что наиболее сложный момент в изменении традиционного уклада кочевников, и в частности киргизов, заключался в искоренении взаимных набегов с целью угона скота, т. е. барымты, а в более общем аспекте – ликвидация представлений о грабеже как деле положительном и пристойном. Так, статский советник Ильинский отмечал, что “киргизы горных местностей уездов Чимкентского и Аулие-Атинского находя, что во времена ханского владычества им жилось привольнее в виду того, что из среды их пополнялись ханские войска, служба в которых доставляла выгоды в виде получения известного вознаграждения за службу, а главное – в грабеже населения” [6]. А.П. Хорошхин в 1868 г. указывал, что киргизы “плохо признают всякую власть, в том числе и русскую” [7, с. 195]. Даже у тех манапов, кто твердо придерживался российской власти, возникали время от времени “рецидивы”. Так, Байтик в 1867 г., вернувшись из Петербурга, где он был в числе делегатов от Туркестанского края, сразу

разграбил манапа саяков Рыскулбека, то ли посчитав, что после представления царю ему все можно, то ли возмещал затраты на дорогу [8, с. 62].

Огромную роль в относительно безболезненной трансформации менталитета киргизов сыграло то обстоятельство, что русские и киргизы проживали и проживают в едином культурно-географическом регионе – Евразии. “Евразийский мир представляет собой замкнутое и законченное географическое, хозяйственное и этническое целое, отличное как от собственно Европы, так и от собственно Азии. Сама природа указывает народам, обитающим на территории Евразии, необходимость объединиться в одно государство” [9, с. 10]. Л.Н. Гумилев высказывался по этому поводу следующим образом: “Этот континент за исторически обозримый период объединялся три раза. Сначала тюрки, потом монголы и Россия. Это суперэтнос, скорее, а не континент” [10, с. 310]. Границы Евразии в целом совпадают с границами бывшей Российской империи или СССР. Ведущую роль в объединении всех народов Евразии на протяжении многих веков играла Россия, которая является естественным образованием, складывавшимся с XV по XIX вв. [11, с. 258–259]. Н.С. Трубецкой считал, что “между народами Евразии постоянно существовали и легко устанавливались отношения некоторого братания, предполагающие существование подсознательных притяжений и симпатий (обратные случаи, то есть случаи подсознательного отталкивания и антипатии между двумя народами в Евразии очень редки). В евразийском же братстве народы связаны друг с другом не по тому или иному одностороннему ряду признаков, а по общности своих исторических судеб. Евразия есть географическое, экономическое и историческое целое” [12, с. 198]. М.З. Сыздыков полагает, что “интеграционные устремления разных народов, проживающих на территории бывшего СССР, имеют глубокие исторические корни, обусловленные именно духовным тяготением и освоением единого “месторазвития” [13, с. 40]. По мнению П.Н. Савицкого, “Россия – наследница Великих ханов, продолжательница дела Тимура, объединительница Азии. В ней сочетаются одновременно историческая “оседлая” и “степная” стихия” [14, с. 61]. Российская империя действительно объединила огромную территорию от Вислы до Тихого океана, от тундры до Памира, но не путем агрессивных действий при завоевании народов, как это делали римляне или англичане, а путем постепенного “врастания”, “освоения” новых земель. Как справедливо отмечает С.В. Лурье: “Империя создается через экспансию прежде всего культурную, подчинения огромной территории единому цивилизационному порядку и принципу, доминирующему в культуре имперского народа, тому принципу, который этот народ считает высшим и которому счита-

ет должным подчиняться сам” [15, с. 267]. И далее: “Империя – это мир, устанавливающийся на основе определенного принципа, который несет имперский народ, и единственным реальным оправданием его действий, их высшей санкцией служит то, что он его воплотил не ради собственного благополучия, а ради всех” [15, с. 267]. Встречающиеся высказывания среди ученых о том, что Российская империя создавалась на крови и что русский народ относился к другим с колонизаторских позиций, не соответствуют историческим фактам. Представления о русских как о славянах, и тем самым как бы являющихся противниками тюрков-кочевников, должны стать давно достоянием истории, так как в процессе этногенеза русского народа значительную роль сыграли именно тюркские народы. “Русские – не столько этнос в традиционном смысле этого слова, сколько культурно-историческая общность, организуемая идеей” [16, с. 53], и “русская нация и пространственно и духовно есть неизмеримо нечто более широкое и многообразное, нежели ее этнический субстрат – великорусская народность” [17, с. 18].

Помимо этнических компонентов, составляющих русский народ, наряду с этим образовалась и самобытная культура России, которая не относилась ни к европейской, ни азиатской, ни являлась механическим сочетанием элементов той или другой. Н. Трубецкой говорил, что “по целому ряду вопросов русская народная культура примыкает именно к Востоку, так что граница “востока” и “запада” иной раз проходит именно между русскими и славянами, а иногда южные славяне сходятся с русскими не потому, что те и другие – славяне, а потому, что те и другие испытали сильное тюркское влияние” [18, с. 340]. В этом видится коренное отличие Российской империи от Британской или Французской колониальных империй. Тюркские народы Средней Азии и Казахстана не воспринимали русских как нечто чужеродное, иноземное, с совершенно другим ментальным восприятием, а, наоборот, ощущали их неразрывную связь, протянувшуюся во времени и пространстве. Так, персидский автор XI в. Гардизи считал, что кыргызы и славяне имели в прошлом общего предка [19, с. 29], а Ч.Т. Нусупов предполагает, что уже в XI–XII вв. существовали тесные “военно-политические и культурные связи кыргызских племен с Российским государством” [20, с. 86].

Во всех местах империи русские проживали с местными народами вместе, не выделяя себя, как это делали англичане в Индии, сторонясь и презируя индийцев. Такие отношения, как правило, вели к культурному симбиозу. Венгерский путешественник А. Вамбери удивлялся такой особенности русских: “С китайцами русские и сами китайцы, с татарами – татары” [21, с. 294]. Другой источник

сообщает, что “в местах, где живут вместе русские и татары, все русские говорят по-татарски и весьма немногие татары говорят по-русски” [22, с. 453]. Во время Алайского похода многие солдаты хорошо говорили по-кыргызски [23, с. 647].

П.М. Бицилли считал, что характерными этническими чертами русской народности являются – “общечеловечность”, “широкость”, отсутствие высокомерия по отношению к “инородцам” [17, с. 18]. Как отмечалось в одном российском источнике, “наша сила в том и состояла доселе, что мы ассимилировали покоренные народы, дружелюбно сливаясь с ними” [24, с. 139].

Важной особенностью успешной интеграции кыргызов в российское культурное пространство являлось наличие такой специфической части населения, как казачество, которое, как говорил М.М. Федоров, “на окраинах являлось одним из главных насадителей и проводников русской культуры, русского языка” [25, с. 85]. Его поддерживал М. Вартебург: “Кзаки выполняли миссию – закрепляли новые земли путем их заселения и обрусения” [26, с. 47]. Интересное замечание оставил известный географ А.Н. Краснов: “Несмотря на то, что в нравственном отношении казаки несравненно ниже, нежели поселенцы – крестьяне, несмотря на то, что они главным образом и являются эксплуататорами кочующего населения, они пользуются у киргиз, безусловно, большей симпатией, нежели крестьяне. Великоросс-казак чужд сепаратизма, прекрасно по большей части владея языком, знакомый с нравами туземца, не имея никаких предрассудков, он приятный гость в юрте киргизов” [27, с. 31].

Все вышесказанное позволяет сделать следующие **выводы:**

1. Нравы и обычаи кыргызов являлись производными от их социально-экономического уклада, то есть кочевого скотоводства.
2. Для того чтобы нравы изменились, в первых, требовался достаточно долгий срок, а, во вторых, переход к оседлости и связанным с ней индустриальным развитием, что произойдет только в 50–60-х гг. XX в.
3. В дореволюционный же период эту задачу выполняло новое для кыргызов российское политическое, административное и юридическое устройство.
4. Огромное значение в трансформации менталитета кыргызов сыграла положительная комплиментарность между ними и русским населением, в том числе и казаками.

Литература

1. М.Г. Черняев в Средней Азии (на Сыр-Дарьинской линии) // Исторический вестник. 1915. № 6.

2. Дорожник от Семипалатинска до Кашгара, Аксу и индийских владений. Составлен на основании показаний купцов полковником Кемпенем 27.11.1825 г. // Архив АН РФ. Ф. 2. Оп. 1 (1827). Д. 8.
3. Сапаралиев Д.Б. Этнополитическая история Оша и его окрестностей с 18 до середины 19 века / Д.Б. Сапаралиев. Бишкек, 1999.
4. Талызин А. Пишпекский уезд: исторический очерк: 1855–1868 гг. / А. Талызин // Памятная книжка Семиреченской области на 1898 г. Т. 2. Верный, 1898.
5. Григорьев В.Д. Русская политика в отношении к Средней Азии / В.Д. Григорьев // Сборник государственных знаний. СПб., 1874. Т. 1.
6. Доклад советника распорядительного отделения Ильинского. 11 мая 1899 г. // РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2.
7. Хорошхин А.П. Заметки о Кокане / А.П. Хорошхин // Русский инвалид. 1869. № 23.
8. Хорошхин А.П. Заметки по дорогам Средней Азии / А.П. Хорошхин // Военный сборник. 1870. № 1.
9. Хамидов А.А. Европейская модель идеократического государства / А.А. Хамидов // Идеи и реальность евразийств. Алматы, 1999.
10. Гумилев Л.Н. От Руси до России: очерки этнической истории / Л.Н. Гумилев. М., 1992.
11. Евразийство: опыт систематического изложения // Мир России – Евразия. Антология / сост. Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. М.: Высшая школа, 1995.
12. Трубецкой Н.С. Общевразийский национализм / Н.С. Трубецкой // Мир России – Евразия: антология / сост. Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. М.: Высшая школа, 1995.
13. Сыздыков М.З. Евразийство: “Исход к Востоку” / М.З. Сыздыков // Идеи и реальность евразийств. Алматы, 1999.
14. Савицкий П.Н. Степь и оседлость / П.Н. Савицкий // Мир России – Евразия: антология / сост. Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. М.: Высшая школа, 1995.
15. Лурье С.В. Русские в Средней Азии и англичане в Индии: доминанты имперского сознания и способы их реализации / С.В. Лурье // Россия и Восток: цивилизационные отношения. М., 1995. Вып. 2.
16. Панарин А.С. Россия в Евразии: геополитические вызовы и цивилизационные ответы / А.С. Панарин // Россия и Восток: цивилизационные отношения. Вып. 2. М.: Мысль, 1995.
17. Новикова Л.И. Евразийский искус / Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская // Мир России – Евразия: антология / сост. Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. М.: Высшая школа, 1995.
18. Пути Евразии: русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992.
19. Бернштам А.Н. Об Ормон-хане и Иване Грозном / А.Н. Бернштам // Ормон-хан илимий эмгектерде жана архивдик материалдарда / Ормон-хан в научных трудах и архивных материалах. Бишкек, 2002.
20. Нусупов Ч.Т. Истоки кыргызской государственности и Евразия / Ч.Т. Нусупов. Бишкек, 2003.
21. Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии / М.А. Терентьев. СПб., 1875.
22. Сборник документов и статей по вопросу образования инородцев. СПб., 1869.
23. Толбухов Е. Скобелев в Туркестане: 1869–1877 / Е. Толбухов // Исторический вестник. 1916. № 2.
24. Венюков М.И. Поступательное движение России в Средней Азии / М.И. Венюков // Сборник государственных знаний. Т. 3. СПб., 1877.
25. Анкета о казаках // Военно-исторический журнал. 1992. № 3.
26. Вартенбург М. Рост России в Азии / М. Вартенбург. Ташкент, 1900.
27. Янков А.П. Казаки в Кыргызстане / А.П. Янков. Бишкек: КРСУ, 2002.